

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ
И ПРОМТОВАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(СЕРЕДИНА 1940-х — НАЧАЛО 1950-х гг.)**

В статье выявляются основные тенденции в развитии системы льгот и привилегий партийной номенклатуры в контексте существовавшей в СССР иерархической системы потребления. Показано положение руководящих партийных кадров в распределительной системе, сделан вывод об усилении процессов внутренней социальной дифференциации номенклатуры в исследуемый период.

Ключевые слова: Сибирь, политическая система, повседневность, льготы и привилегии, спецснабжение, номенклатура, социальная политика.

O.N. KALININA

**FOOD AND MANUFACTURED GOODS SUPPLY
OF THE PARTY NOMENCLATURE IN WEST SIBERIA
(MIDDLE OF 1940^S — THE BEGINNING OF THE 1950^S)**

The article reveals the main tendencies in the development of the system of benefits and privileges for the Party nomenclature in the context of existed hierarchical system of consumption in the USSR. The author shows position of the Party cadres in the distribution system and draws a conclusion about further inner social stratification of the nomenclature in research period.

Keywords: Siberia, political system, every day life, benefits and privileges, special supply (spetssnabzhenie), party nomenclature, social policy.

Социальная политика советского государства и некоторые ее аспекты, такие как социальное неравенство, формирование системы номенклатурных льгот и привилегий являются предметом научного анализа ряда отечественных и зарубежных исследователей. В советский период в англо-американской советологии сформировалось отдельное направление, где особое внимание уделялось сравнительному анализу социальной политики и социальных институтов, форм социального обеспечения, функционировавших в Европе, Америке и СССР [1, с. 255]. Отечественные исследователи изучали социальную стратификацию советского общества и различные аспекты социальной истории, включая формирование иерархической системы потребления в СССР и привилегии советской элиты [2]. Проблема эволюции социальной политики в от-

ношении номенклатуры в исследуемый период, нашла отражение в региональной, в том числе и сибирской, историографии, однако отдельные ее аспекты требуют дальнейшего научного изучения и осмысления [3].

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей трансформации материально-бытового обеспечения партноменклатуры Западной Сибири. Основными источниками информации стали документы финансово-хозяйственных секторов партийных органов в регионах Западной Сибири, письма, просьбы, записки первых секретарей обкомов в Управление делами ЦК ВКП(б), письма и циркуляры Управления делами, направленные в крайкомы и обкомы партии.

Главный вектор советской социальной политики задавался политическим руководством страны, вырабатывавшим основной курс и стратегию социальной политики государства. Согласно официальным установкам, управленческие кадры не должны были снабжаться лучше передовых рабочих и квалифицированных специалистов. Но реальная картина отличалась от декларируемых заявлений. В исследовательской литературе установлено, что различные привилегии номенклатуры закрепились еще в военные годы по мере развития карточной системы. В частности, специальным секретным постановлением СНК СССР от 17 сентября 1942 г. устанавливалось дополнительное горячее питание и обеды для руководящих работников. По постановлению СНК СССР от 27 февраля 1943 г. руководители обеспечивались литературными обедами (категорий «А», «Б» и «В»), сухими пайками и «усиленным» диетическим питанием, карточками на ужины. С 1 февраля 1944 г. для руководящих партработников вводились бесплатные завтраки, а по распоряжению СНК СССР от 27 февраля 1946 г. — карточки дополнительного горячего питания (литер «Б»). В целом следует согласиться с выводом А.В. Шалака, исследовавшего материальное обеспечение руководящих кадров Восточной Сибири в 1940–1950-е гг. о том, что обеспеченность предоставляемых номенклатуре льгот и привилегий была весьма высокой, «поскольку даже в голодном 1946 г. руководители ряда предприятий и организаций, имея избыток талонов на второе горячее питание, расходовали их на проведение различных вечеринок» [4, с. 166].

Всего существовало четыре группы карточек: для рабочих, служащих, иждивенцев и детей до 12 лет. Данные категории населения находились в привилегированном положении по отношению к колхозникам, которые не были включены в созданную государством систему гарантированного обеспечения продовольствием. Официально преимущество в продовольственном снабжении отдавалось рабочим. Так, рабочим первой категории полагалось ежедневно 800 г хлеба, второй — 600 г, служащим — 500 и 400 г соответственно. При этом нормы на другие продовольственные товары резко дифференцировались. Рабочим и инженерно-техническим работникам в ведущих отраслях народного хозяй-

ства полагалось в месяц соответственно 2,2 и 1,8 кг мясных и рыбных продуктов, 0,6 и 0,4 кг жиров [5, с. 110].

Уровень снабжения номенклатуры фактически зависел от должностного ранга работника в номенклатурной иерархии, причислявшего его к той или иной категории снабжения. В частности, для номенклатуры предусматривались три категории карточек. Первую категорию карточек получали секретари обкомов и горкомов, заведующие отделами обкомов партии и облисполкомов и их заместители, первые секретари горкомов и райкомов партии, руководители комсомольских и профсоюзных организаций, председатели городских и районных исполкомов советов депутатов. Вторую — заведующие секторами и инструкторы обкомов партии и облисполкомов, заведующие отделами горкомов, горрайкомов, горисполкомов и горрайисполкомов и их заместители, третью — инструкторы и лекторы горкомов, горрайкомов, заведующие секторами горкомов, горрайкомов, горисполкомов и горрайисполкомов. Для второй категории дополнительно к продовольственной карточке устанавливались следующие месячные нормы: мясорыбных продуктов — 5,5 кг, сахару и кондитерских изделий — 1,4 кг, жиров — 0,8 кг, обед по литеру «Б» и сухой паек. По третьей категории предусматривалось снабжение: мясорыбными продуктами — 1,8 кг, крупами и макаронами — 1,2 кг, сахаром и кондитерскими изделиями — 0,4 кг, жирами — 0,3 кг. Снабжение работников сельских районов производилось на основе приказа НКТорг и Центросоюза СССР от 9 февраля 1943 г., устанавливавшего отпуск продуктов в виде сухого пайка и питание в столовых райпартактива в пределах норм рабочей продовольственной карточки. Фактически же их снабжение зависело от наличия ресурсов, поступавших из местных источников и централизованных фондов, и потому носило крайне нерегулярный характер. Нередки были случаи, когда карточки на сухой паек не отоваривались несколько месяцев. Широко практиковалась выдача заменителей (вместо мяса — яичный порошок, вместо жиров — мука и т.д.). Причем руководящие кадры, отнесенные к третьей группе снабжения, в сравнении с первой группой получали продуктов в 3–4 раза меньше и мало чем отличались от норм рабочих особого списка (6, л. 71–86).

В целом, установленные официальные нормы продовольственного снабжения руководящих работников и основной массы населения не сильно отличались. Однако существовали и другие факторы, влиявшие на уровень обеспечения различных социальных групп советского общества. Так, в послевоенные годы сильнейший продовольственный дефицит, усугубился из-за проведенного в сентябре 1946 г. повышения цен на товары, распределяемых по карточкам. В первую очередь оно коснулось жителей городов, промышленных центров и жителей сельской местности, не связанных с сельским хозяйством. В результате подобных мер были снижены возможности не только гарантированного снабжения

людей основными продуктами питания, но и приобретения продовольственных товаров на рынке, где цены быстро стали увеличиваться, особенно на хлеб, картофель и овощи. Нормированный паек очень подорожал: хлеб ржаной с 1 до 3,5 р., пшеничный с 1,7 до 5 р., говядина с 12 до 30 р., сливочное масло с 24 до 62 р., сахар с 5,3 до 14,3 р., литр молока с 1,8 до 3,3 р. Правда, для рабочих и служащих вводилась «хлебная надбавка к зарплате» — от 80 до 110 р. в месяц [7, с. 149].

Одновременно сократился контингент населения, охваченного карточной системой. Так, 23 сентября 1946 г. министр заготовок СССР Б.А. Двинский предложил в своем письме, адресованном Сталину, начать немедленно экономить хлеб, сократив нормы снабжения населения в исключительно неурожайный год. В итоге уже 27 сентября 1946 г. Политбюро утвердило постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба», которое предусматривало снижение норм выдачи хлеба иждивенцам и детям, снятие с продовольственного снабжения ряда категорий иждивенцев, рабочих и служащих предприятий местной промышленности, МТС и совхозов. Министерство торговли сократило контингент населения, снабжаемого хлебом по карточкам, с 87 до 60 млн чел. (из них 23 млн сельских жителей и 3,5 млн не работавших взрослых иждивенцев в городах) за счет иждивенцев, рабочих и служащих совхозов, нормы снабжения по детским хлебным карточкам были урезаны с 400 до 300 г в день и по карточкам иждивенцев с 300 до 250 г [8, с. 223].

Еще хуже обстояли дела в селе, где вообще не было карточной системы; считалось, что люди смогут сами себя обеспечить за счет подворного хозяйства. Однако, выполнив план обязательных хлебозаготовок, западносибирская деревня оказалась без хлеба, получив в 1946 г. на заработанные трудодни минимум — 3,4 ц на крестьянский двор [9, с. 136]. Руководители райисполкомов и райкомов проводили обследования в колхозах и направляли соответствующие отчеты в региональные партийные комитеты, прося партийное и советское руководство регионов оказать им помощь. Районное руководство помочь не могло, поскольку в ходе хлебозаготовок 1946 г. из хозяйств была изъята большая часть произведенной сельхозпродукции. Областные власти также были ограничены в своих действиях — для использования продовольственных резервов им требовалось разрешение Москвы, а обращаться в Центр власти, естественно, не спешили, так как опасались возможных обвинений в «плохом руководстве». Так, в декабре 1946 г. Омский облисполком смог дополнительно изыскать и выделить по запросам руководства Кошкульского и Маркутлинского совхозов всего лишь 50 хлебных пайков, в то время как они запросили помощь для 598 «остронуждающихся» сельских жителей [10, л. 53].

Вынужденный переход в начале войны к нормированному снабжению создал для руководящих работников всех уровней чрезвычайно

выгодные условия в сфере товарного снабжения, а лимитные книжки в послевоенные годы становятся важнейшей их привилегией. В соответствии с постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. для руководящих работников вводилось снабжение промтоварами по двум категориям. По лимитным книжкам номенклатурные работники могли приобрести необходимые товары на определенную сумму (лимит зависел от номенклатурного ранга ее владельца). Так, обладатели книжек 1-й группы могли получить товаров на сумму 1 тыс. р. в полугодие, 2-й — только на 750 р. [11, л. 4–5]. Только в Новосибирской обл. с июля по сентябрь 1945 г. для реализации по лимитным книжкам было направлено промышленных товаров на 614,7 тыс. р., из них шерстяных тканей — на 570 тыс., шелковых — на 20 тыс., швейных ниток — на 20 тыс., кожаной обуви — на 70 тыс., резиновой обуви — на 11,1 тыс. р. [12. л. 219].

При этом, значительный контингент руководителей, как правило, местного уровня, снабжался промтоварами в малом количестве или не снабжался вовсе. Так, инструкторы обкомов, горкомов, городских райкомов партии не имели лимитных промтоварных книжек. Несмотря на то, что секретари сельских райкомов постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. были отнесены к номенклатуре руководящих областных контингентов, по распоряжению Министерства торговли СССР они снабжались по линии сельской сети промтоварного снабжения. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 12 июня 1945 г. сельские районные работники снабжались по следующим нормам: для 3–4 чел. на район по 1 тыс. р. в полугодие и для 30–50 чел. на район по 750 р., считая партийных, советских, хозяйственных и комсомольских работников. Для инструкторов и пропагандистов сельских райкомов партии промтоварное снабжение не было установлено. Более того, отпуск промтоваров районным работникам производился по сельским ценам, которые в 2,5–3,0 раза превышали городские, что делало их приобретение для них непосильным. На всю номенклатуру материальных благ не хватало. Пытаясь улучшить обеспечение «своих» работников, секретари партийных комитетов ходатайствовали перед вышестоящими инстанциями, об увеличении отпуска промышленных товаров для своих работников. Однако чаще всего их просьбы не удовлетворялись, поскольку ресурсы были ограниченные и зависели от централизованных поставок дефицитных товаров в регионы. Так, 24 ноября 1946 г. секретарь Гурьевского райкома ВКП(б) М.М. Сандара в письме, адресованном первому секретарю Кемеровского обкома партии Е.Ф. Колышеву «О литературном питании и выделении промтоваров для районного партактива», просил Колышева решить вопрос о выделении дополнительно для работников райкома партии промтоваров и одного литературного пайка для одного из секретарей райкома. Однако его обращение было удовлетворено только частично [13, с. 24].

В целом же, материальные возможности определенных групп руководителей зависели не только от нахождения на той или иной ступени властной иерархии и установленных официально норм снабжения, но и от профессиональной близости к непосредственным каналам распределения или к производству продуктов и товаров. Анализ архивных материалов показывает, что теневое перераспределение товаров в сфере обеспечения номенклатуры было широко распространено, а для руководящих работников районного звена управления основным каналом незаконного приобретения продуктов и товаров являлась в том числе и колхозная продукция. Например, в Новосибирской области региональные власти практиковали выдачу так называемого «праздничного пайка». Так, в связи с празднованием 28-й годовщины Октябрьской революции и в честь самого праздника распоряжением Новосибирского облисполкома № 277 от 31 октября 1945 г. Облторготдел за счет 10 %-ных отчислений от гарцевого сбора выделил 85 работникам (секретарям горкомов и райкомов партии, председателям горрайисполкомов) 170 кг сливочного масла, сыра и рыбы, 136 кг муки, 85 кг икры. Также им полагалось «довыдать» 170 кг сахара и 85 кг конфет, не выданных в июле-сентябре [14, л. 141].

Еще одним каналом возможного теневого перераспределения являлось «распределение» различных дефицитных товаров. Так, в послевоенные годы по линии партийного контроля (КПК при ЦК партии, партколлегии КПК при региональных партийных комитетах) заводилось много так называемых трофейных дел на партийных, советских, хозяйственных руководителей при распределении поступавших в областные, городские и районные центры импортных товаров, предназначенных для определенных социально не защищенных групп населения — инвалидов, многодетных семей и т.д. Так, 23 августа 1946 г. на имя 1-го секретаря Алтайского крайкома Н.И. Беляева была адресована справка от заведующего оргинструкторским отделом крайкома Б.М. Лещинера «О преступных действиях руководителей Солтоновского района». В ней указывалось, что секретари райкома Стамбровский, Ермолаев и председатель райисполкома Руденко систематически осуществляли поборы в колхозах и артелях для самоснабжения. Так, в ноябре 1945 г. Ермолаев взял без оплаты в одном из колхозов двух баранов для проведения вечернего банкета для сотрудников райкома. Импортные товары, предназначенные для инвалидов Отечественной войны, поступившие в мае 1946 г. в район, незаконно раздавались сотрудниками райкома и райисполкома, и т.д. [15, л. 1, 3–5].

В случае наиболее вопиющих фактов злоупотреблений дело даже доходило до специальных постановлений ЦК партии. Например, 24 января 1947 г. было принято постановление Секретариата ЦК ВКП(б) о злоупотреблениях руководящих работников Алтайского края в приобретении промышленных товаров. Примечательно, что в этот круг, помимо партийных и советских руководителей края — второго секретаря крайко-

ма В.В. Лобанова, председателя Крайисполкома Г.П. Ковалевского, входили также и те, кто по своему профессиональному долгу должны были бороться с такого рода «болезненными явлениями» — бывший уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) А.А. Комаров, начальник крайуправления МГБ В.С. Рузин. Алтайским крайкомом и крайисполкомом устанавливалось неограниченное выделение промышленных товаров для девяти руководящих работников, значительно превышавшее потребности их семей. Только за 1945–1946 гг. в мастерских индивидуального пошива четырьмя работниками было пошито обуви и одежды на 105 565 р. Кстати, поражает «мягкость» принятого постановления в отношении краевых работников — всем четверым фигурантам дела был объявлен выговор (причем даже не строгий!) с занесением в учетную карточку «за допущенные ими излишества в получении промтоваров». Остается не ясным, кто же были еще пять человек, упомянутых в постановлении [16, с. 161–162].

В послевоенные годы материальное расслоение номенклатуры только усилилось, введение «временных денежных довольствий» стало своего рода катализатором данного процесса. По распоряжению Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1947 г. № 1150 к официальному окладу руководящих работников дополнительно вводились «временные денежные довольствия», отменявшие при этом некоторые номенклатурные льготы. Распределялись «довольствия» в соответствии с номенклатурной иерархией (2–3 месячных оклада) [17, л. 66]. Выплата денежного довольствия прекращалась на уровне заведующих секторами обкома и облисполкома. Среди номенклатуры городского и районного уровней эта существенная привилегия распространялась на только особо оговоренные должности, а также первых и вторых секретарей горкомов областных, краевых и республиканских центров. При этом самые большие денежные довольствия получали руководящие работники партийного аппарата. Так, размер денежного довольствия первого секретаря Новосибирского обкома партии составлял 8 тыс. р., или три месячных оклада. Денежное довольствие (приравненное к трем месячным окладам) получали только председатель облисполкома (всего 4,8 тыс. р.) и представитель Совета по делам колхозов при правительстве СССР по Новосибирской обл. [18, л. 114–116].

В целом, на характер распределительных отношений советского общества влияли различные факторы, но более всего — сложившаяся политическая система и специфика экономических отношений. Экстремальные условия жизни людей, измученных войной и тяготами мобилизационного развития государства, второстепенное отношение политического режима к социально-бытовой сфере породили чрезвычайно низкий уровень жизни населения, острейший дефицит практически всех товаров народного потребления. Поэтому даже незначительное увеличение материальных благ автоматически давало привилегированный социальный статус их владельцам, провоцируя социальное расслоение в советском

государстве. В сложившихся условиях государство не могло обеспечить приемлемый уровень жизни всему населению, т. к. для этого не хватало не только материальных ресурсов, но и требовалась иная социальная политика. В связи с этим дефицитные промышленные и продовольственные товары распределялись государством исходя из важности и приоритетной значимости для советской власти тех или иных социальных групп. Соответственно, в наиболее благоприятных условиях оказались определенные слои номенклатуры, имевшие не только официально установленные для них нормы снабжения, но также и другие возможности для улучшения своего материального положения. Различия в уровне материально-бытового обеспечения номенклатуры вытекали из места, занимаемого тем или иным руководителем в иерархической системе власти. В стране формировались контуры теневой экономики, что проявлялось в скрытом перераспределении дефицитных благ, а также стабильно высоким уровне нарушений, допускаемых представителями власти с целью извлечения материальных выгод. Система «временных денежных дозволений» явилась своего рода катализатором социального расслоения номенклатуры и способствовала улучшению материального положения, в первую очередь, верхушки партийного аппарата в регионах. Сама же номенклатурная система льгот и привилегий оставалась важнейшим каналом управления, используемых властью для обеспечения управляемости и контроля над руководящими кадрами на местах.

Список использованной литературы и источников

1. Rimmingler G. V. Welfare Policy and Industrialization in Europe, America and Russia / G. V. Rimmingler. — N. Y. : Wile, 1971.
2. Осокина Е. А. За фасадом сталинского «изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 / Е. А. Осокина. — М. : РОССПЭН, 1998. — 267 с.; Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. — М. : Вариант, 2008. — 376 с.
3. Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 1920-х гг.: устройство и функционирование / Г. Л. Олех. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. — 146 с.; Коновалов А. Б. Модернизация системы номенклатурных льгот и привилегий: опыт хрущевских реформ (1953–1964 гг.) / А. Б. Коновалов // Исторический ежегодник 2007 : сб. ст. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. — С. 6–20; Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 354 с.
4. Шалак А. В. О социальном статусе советских руководящих кадров в 1940–1950-е гг. (на примере Восточной Сибири) / А. В. Шалак // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2013. — № 3 (89). — С. 164–170.
5. Букин С. С. Государственные социальные акции послевоенной эпохи в сибирском измерении / С. С. Букин // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX — начале XXI вв. : сб. науч. тр. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2010. — Вып. 2. — С. 109–119.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 129. Д. 56. Л. 71-86.
7. Букин С. С. Социально-бытовая сфера Новосибирска в послевоенный период (1946–1960 гг.) / С. С. Букин // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии : сб. науч. тр. — Новосибирск : Наука-Центр, 2004. — С. 140–190.
8. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 : сб. документов / сост. О. В. Хлевнюк и др. — М. : РОССПЭН, 2002. — 656 с.
9. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х — начало 1960-х гг. / О. М. Вербицкая. — М. : Наука, 1992. — 222 с.
10. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 437. Оп. 24. Д. 8.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 72.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-4. Оп. 9. Д. 5.
13. Неизвестный Кузбасс (1943–1991 гг.) : сб. арх. документов / сост. Н. В. Галкин, С. А. Суздальцева, Р. С. Бикметов. — Кемерово : Современная отечественная книга, 1993. — Вып. 1. — 176 с.
14. ГАОНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 309.
15. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. П-1. Оп. 30. Д. 112.
16. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко и др. — М. : РОССПЭН, 2004. — 496 с.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 26. Д. 63.
18. ГАОНО. Ф. Р-1020. Оп. 6. Д. 28.

Информация об авторе

Калинина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: kalinka77@inbox.ru.

Author

Kalinina Olga Nikolayevna — PhD in Historical Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, e-mail: kalinka77@inbox.ru.

УДК 94(571.5)
ББК 63.3(2Р5)

С.В. КОВРИГИНА

ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ПРИАНГАРЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Анализируются формы и методы государственного стимулирования колхозного производства в годы позднего сталинизма.

Ключевые слова: крестьянство, послевоенный период, колхозы, соцсоревнование, Приангарье, трудодни.